

Гексаграмма: Рыцарь-алхимик

16+

Тихонова А. В.

Гексаграмма

Алёна Тихонова

Гексаграмма: Рыцарь-алхимик

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тихонова А. В.

Гексаграмма: Рыцарь-алхимик / А. В. Тихонова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Гексаграмма)

Алхимик-отступник Старатос затеял преобразование общества. Его методы насильственны, и его необходимо остановить. В тёмных лабораториях зреют запретные эксперименты - гомункулы. А загадочный маг ищет сферу зла, спрятанную у рыцаря-алхимика Ричарда.

Глава 1. Сделка

Никогда не следует отчаиваться, в какой бы тупик ни загнала тебя суровая реальность. Даже если тебя объявил своим врагом весь мир – в нём непременно отыщутся хотя бы несколько личностей, которые тоже враждуют если не со всеми, то со многими, или просто никогда не откажутся как следует насолить ближним своим. Таким образом, даже если ты вне закона, и неважно, кто, в каком количестве и зачем гонится за тобой – если уметь искать и быстро бегать, а также смекать, куда и когда лучше всего сунуть любопытный нос, а куда вообще не стоит лезть, даже на самом дне отыщется кто-то, способный приобрести твои услуги. Да, возможно, шиковать и жировать у тебя не получится, но и в полной нищете от голода в подворотне не помрёшь.

Вагрус Неи Лонг отлично знал все эти нехитрые истины обитателей изнанки любого цивилизованного общества. Он жил в том, что можно назвать швами или стежками – безобразные, хорошо спрятанные с глаз долой, но накрепко соединяющие разрозненные лоскуты ткани или прорехи в них. На нем лет с десяти живого места не было, но он не понимал, что такое тоска, отчаяние, уныние, безделье и скука. Он отлично знал, что сегодня абсолютно все обстоятельства играют на руку, а завтра не будет везти буквально ни в чём, и первое – не повод зазнаваться, а второе – опускать руки. Жизни нет дела до того, чтобы испытывать каждую мелкую сошку или издеваться над ними, несчастными убогими смертными, слишком много чести для них – думать, что настолько огромное и вечное обращает на них внимание, но она просто так устроена, хорошее и плохое сменяется в ней, подобно дню и ночи или временам года, а материальные вещи помогают ей, как плавники рыбе – плавать, а крылья птице – летать. Изменить это невозможно, от всего не убережёшься, вечно фартить не будет, но и на дне бесконечно прозябать не останешься, если умеешь вертеться, и хоть какая-то воля у тебя есть. Жизнь откажется от тебя, только если ты больше не трепыхаешься. И то не она – сам ты на себе крест поставишь. Широкими, издалека заметными мазками.

Поэтому Вагрус и петлял с утра пораньше по извилистым переулкам сырых, так и не оконченных за всё время, сколько он себя помнил, застроек на окраинах родного города, не обращая внимания на клубящийся здесь и там привычный уже серый химический туман, стараясь лишь не касаться этой пакости, зная, что тогда такой кашель скрутит, что, пока он придёт в себя – его точно догонят. В многочисленные лужи, неестественно жирные, масляно блестящие, Вагрус наступать тоже не хотел – он рисковал бы прилипнуть к ним, или от них разьест его обувь, а достать новую он, мягко говоря, не скоро сможет. Вагрус ничего не украл и никого не убил, по крайней мере, за последние несколько недель, но его всё равно преследовали – по праву сильных. Всегда, испокон веков, подняться чуть выше удавалось по чужим спинам. Трудов это стоило меньше, чем от и до работать самим, постепенно добывая и крышу над головой, и хлеб насущный, а совесть заткнётся, если ей кинуть корку покрупнее в зубы. Они тут себе не позволяли такой роскоши, как очень уж чуткая совесть, она, зараза такая, в тупик загонит, да и оставит. Пусть небожители переживают за неудачно подобранные слова и брошенные искоса взгляды, которые кто-то понял не так, как они желали – не избалованные богатым выбором обитатели низов и после многих откровенно неблагоприятных поступков крепко и спокойно спят. Если раскаиваешься в содеянном, не имея ни реального достатка, ни влияния – значит, сибарит и неженка ты в душе.

Складские здания, гаражи для больших машин и недостроенные дома, похожие на развороченные, разбухшие от влаги, безобразные коробки невесть из-под чего или для чего, заросшие бурьяном рельсы, которые не видели поездов уже с полстолетия, наверно... Старый, никому не нужный, невесть почему до сих пор заселённый, хотя и агонизирующий, мир. Всегда облачное небо, всегда чёрная земля. Вагрус привык, конечно же, и его давно покинули детские фантазии о том, как было бы здорово, расцвести всё вокруг яркими пёстрыми красками вновь, как на картинках в книжках. Но... Это не означало, что ему вообще не было тошно и не тянуло

хоть что-то исправить. Яму, где, если не пьёшь, не куришь и не стреляешь – уже сойдёшь за святого праведника. Могилу даже для тех, кто ещё дышит, насмешку над чаяниями предков. Место даже не завершили, а уже забросили, и только крысы, как обычные, так и двуногие, в одежде, с чужих плеч снятой, прямоходящие и бесхвостые, заполонили всё, шныряют и ничего не боятся. Не правда ли, крыса очень похожа на человека? Она... И свинья ещё. Никакое другое животное не любит до такой степени купаться в грязи и рыться в отходах в поисках пропитания. Твари неразборчивые, всеядные, трусливые, готовые на всё, чтобы подставить кого-то другого, а самим протянуть хоть чуть-чуть подольше. И это уже не о крысах. Нет, Вагрус не ставил себя выше, ни в коем случае, не считал, что заслуживает лучшего.

Вдали, как старухи, которым на старости лет жизнь без трубки с ядрёным куревом не мила, дымили и чадили заводские трубы – дюжина, толстые, красные, будто ржавые, но Вагрус лазал туда в детстве и знал, что это их естественный цвет. С тех пор он и кашляет, как простуженный, только не излечиваясь всеми этими дурацкими круглыми таблетками, ни красными, ни белыми, ни зелёными, а больше здесь, в трущобах, никаких нет. Ещё и малыши с ними играют. Один притворяется больным, а другие его этой дрянью пичкают. Если не помер – значит, всё прошло удачно. И не спрячешь ведь, сопливые проныры от горшка два вершка ухитряются всюду найти. У Вагруса так младший брат был – и не стало. Только и запомнилось, что ныл вечно да находки из пустых районов, те, что поменьше, вроде пуговиц да напёрстков, кланчил. Вот же как бывает, а? Родился человек, рос, а тут оп – и тело одно, без дыхания, без разума, и то закопали. И хорошего про него толком ничего не скажешь, так как ничего не совершил. И зачем появлялся на свет? Вагрус, впрочем, не вполне глупым вышел у маменьки, а, значит, и отлично понимал – с ним самим дела ничуть не лучше обстоят. Такой же он, лишний и неприкаянный.

Болезнь ушла, но следы её, возможно, не изгладятся никогда. Вымерли целые кварталы, и такие, как Вагрус и как его преследователи, промышляли именно тем, что раздобывали там всякие полезные вещи, а потом либо приспособливали их в быту, либо продавали втридорога каким-нибудь наивным глупцам. Когда вокруг тебя ещё недавно умирали все подряд, молодые и старые, женщины и мужчины, правые и виноватые – гораздо проще начинаешь относиться к так называемым моральным ценностям. Для Вагруса выживание стояло гораздо выше пресловутого уважения к мёртвым. Трупам уже всё равно. Тем, кто ещё не затронут тлением – нет. Мёртвые встают из могил, чтобы обвинить тёплых и дышащих в своей смерти или в присвоении того, что им не принадлежит, только в сказках. Реальность куда прозаичнее.

Вагрус понял, как сильно сглупил, когда сделал очередной крутой поворот на одну из боковых улочек и внезапно оказался в тупике. Впрочем, это не было его ошибкой – ещё пару дней назад, когда он бывал здесь в последний раз, проход не был перекрыт. Подметив это, и преследователи сбавили скорость, теперь они подходили неспешно, как хозяева положения – впрочем, ими и являлись. Вагрус зажмурился, гадая, будут ли его сначала бить, или же сразу убьют... Но пронзительно-зелёная вспышка, что полыхнула на весь этот неприглядный закуток, пробилась даже сквозь его плотно сомкнутые веки.

Открыть глаза Вагрус решил далеко не сразу. Грешным делом, он даже предположил, что так и выглядит смерть, когда смотришь на неё "изнутри".

Но нет, он всё ещё дышал, сердце билось, а вокруг простиралось всё то же гнилое захолустье, осточертевшее ему ещё в первые десять лет жизни.

Странный мужчина, высокий и худой, одетый в тёмно-синий, похожий на мантию учёного, но помрачнее и попроще, длинный плащ с капюшоном, надвинутым так, что лицо было не разглядеть, стоял среди поверженных тел обидчиков Вагруса. Судя по их позам – все они больше не числились среди живых. Незнакомец же выглядел так, словно мух прихлопнул, а не людей. От него веяло чем-то морозно-враждебным, и сам он чем-то напоминал выходца из потустороннего мира, жестокого и жуткого.

– И что же я должен сделать для тебя в уплату за спасение? – подозрительно и нервно поинтересовался Вагрус.

– Твоё имя неплохо известно в определённых кругах, – промолвил незнакомец, холодно, изучающе и крайне неприветливо шурясь на него. – И репутация твоя идёт далеко впереди себя. Мне нужно, чтобы ты проник в дом одного из государственных алхимиков и взял оттуда кое-какие вещи. Пару мелочей.

Вагрус с трудом сглотнул.

– Ты же знаешь, что со мной будет, если любой из алхимиков поймает меня?

– Да. Поэтому в твоих интересах не попасться. Пойми ситуацию правильно – отказаться ты не можешь.

Больное солнце высунулось из-за рваного марева облаков. Вагрус быстро и тревожно облизнул губы и, стараясь не выдавать дрожь, кивнул.

Голубовато-серебристые бледные полосы лунного света, расчерчивая глядящие словно бы с неммым укором стены домов и гладкую мостовую, почему-то напоминали об осеннем кладбище и о тайном, древнем, недобром колдовстве. Вагрус не ладил с ними, предпочитая тёмные пятна. Сияние ночного светила никогда не было милосердно у нему и отщепенцам вроде него – вора, наёмным убийцам, соглядатаям и прочих представителей социального дна. Свет беспощадно искренний и честный – всегда, а они не могут даже смотреть на него без боли. Те, кто ещё не совсем пропащие – со стыдом, у других на мутном дне искалеченных душ шевелились остатки чего-то, навеки утраченного.

Вагрус крался к жилищу алхимика, понимая, что винить ему некого, кроме себя – за неосмотрительность и наглость, ведь они-то и привели его в нынешнее зависимое и почти самоубийственное положение. Если рыцари предпочитали закон и порядок, практически всегда доводя дело до официального суда, публичного и честного, то в руках алхимиков можно было бесследно сгинуть, и никто не сумел бы догадаться, то ли тебя в какой-то кислоте эксперимента ради растворили, то ли органы на ингредиенты пустили, то ли ты сидишь у них в подвале в качестве раба. Проверять на себе, каков на практике единственный человек, кто в настоящее время сочетал в себе и то, и другое, Вагрус не хотел бы. Слишком уж ненадёжно качались весы такой удачи.

Убрать задвижку на окне было плёвым делом, а вот обезвредить охранный символ – задача вышла посложнее. Вагрус покрылся холодным потом, пока занимался этим – к счастью, у него был с собой нейтрализующий любую вложенную в предметы энергию браслет, приобретённый на теневом рынке втридорога – но, по мнению Вагруса, золотая безделушка, украшенная мельчайшими вкраплениями рубиновой пыли, более чем стоила этого. Правда, браслет требовалось время от времени разряжать, чтобы тот, накопив слишком много, не взорвался прямо у него на руке, но ничто в мире не бывает без своих маленьких недостатков.

Вагрус неслышно ступил на мягкий зелёный ковёр, наверняка стоящий целое состояние, и огляделся. В темноте угадывались очертания многочисленных книжных шкафов и письменного стола. Похоже, он в личной библиотеке алхимика. Мерцающие тускло-синим, фиолетовым и болотно-зелёным корешки толстенных фолиантов, сложенные пирамидами свитки, дощечки с выбитыми на них символами, перевязанные пропущенной через узкие дырочки в них прочной бечёвкой... Богатство, которым наполнились бесчисленные полки со всех сторон, так и манило, но Вагрус благоразумно ни к чему не притрагивался. Ему чётко описали, как выглядят искомые предметы, и ничего похожего он ещё не увидел. Вместе с тем, он вдруг осознал, что дал бы дорого за право хоть раз побывать здесь без страха – с позволения обладателя всех этих чудес. И проникнуться хоть шепоткой хранящихся здесь мудрости и знаний.

– Вот это да! Неужели у нас гости? – нараспев, насмешливо и весело проговорил кто-то слева от Вагруса и немного позади.

Тот резко обернулся и увидел человекоподобную фигуру, стоящую у стены со скрещёнными на груди руками, в расслабленной и вальяжной позе.

– Ты кто такой?!

Вагрус видел изображения алхимика – тот выглядел иначе. Хотя мало ли, на что способны такие создания.

– Моё имя Д'артур Шейд. Считаю, что я... присматриваю в отсутствие хозяина.

Враждебности от него Вагрус не улавливал. Скорее, изучающее любопытство. Не как у какого-нибудь там учёного – скорее, как у искателя приключений.

– То есть – ты нечто вроде сторожевого пса? – ехидно вырвалось у Вагруса прежде, чем он успел подумать.

– Ну, да, что-то вроде, – Шейд рассмеялся. – Правда, я, конечно же, не лаю... Но покусать вполне могу.

– И сколько же он тебе платит? Ты не за еду же трудишься в столь поздний час? – Вагрус попросту не мог остановиться, его язык пустился молотить ерунду.

– Я не за деньги работаю. И даже не за кров. Считаю, что я плачу долг... И долг не перед ним.

Совершенно непонятно, почему этот тип был таким словоохотливым и, что Вагрус очень чётко улавливал обострённой интуицией, вполне искренним. Вся ситуация начала казаться ему гротескно-абсурдной, словно он попал в заколдованную историю, чей автор был сумасшедшим.

– Итак, юноша, расскажи мне, что ты ищешь, и, может быть, мы как-нибудь договоримся.

Шейд неторопливо пошёл вперёд, вернее, по дуге, огибая Вагруса, но, вместе с тем, понемногу приближаясь, вкрадчиво, осторожно, как охотящийся кот, хотя больше напоминал пещерного чёрного волка, миниатюрного и обманчиво хрупкого в сравнении с живущими под открытым небом собратьями, но куда проворнее и свирепее них.

– Вряд ли, – Вагрус не без усилия сглотнул, попятившись на несколько шагов.

– Да ты, никак, боишься меня! – Шейд тихо рассмеялся. – Зря. Вреда я тебе не причиню. Хотел бы – уже бы сделал, ты бы и опомниться не успел.

Не сказать, чтобы такое откровенное и честное заявление хоть как-то успокоило Вагруса. Он не собирался драться, но, будь его воля, он бы и сюда не сунулся, так что крепко подозревал – его опять не спросят. Однако, уверенность в себе Шейда выбивала из колеи настолько, что Вагрус был готов хоть сию минуту сбежать... Вот только и незнакомец, что в ультимативной форме нанял его для этого поручения, выглядел донельзя серьёзным и строгим, возвращаться к грозному то ли магу, то ли алхимику с пустыми руками было боязно не менее, чем прочувствовать на собственной родной шкуре, что умеет Шейд. Вагрус предполагал, что в королевстве его заказчику не были рады, и что эту крайне занятную личность посадили бы в темницу, если бы поймали, но куда там. Он даже догадывался, что требуемый предмет нужен отнюдь не для хороших целей, и что, если подумать, ему, возможно, не стоило ввязываться в сомнительную авантюру, как бы дорого ни обошёлся ему отказ.

– Слушай, ты или говори, зачем явился, или проваливай отсюда, не отнимай моё время, – Шейд притворно, это Вагрус сразу раскусил, рассердился.

И Вагрус сдался. Во всяком случае, его уже поймали с поличным, и хуже вряд ли будет. Если он продолжит упорствовать – как раз-таки и рискует заставить Шейда злиться всерьёз.

– Мне сказали, что он занимается сферой, наполненной лиловым светом. Предположительно он создал её сам, и дубликата нет. Я понятия не имею, что это такое, но мне и ни к чему. Уж прости, я зарабатываю, как умею.

Шейд моментально перешёл на деловой тон, он выглядел по-настоящему обеспокоенным.

– Ах, это... Да, он создал такую вещь после того инцидента с ползущим по всему континенту мором. Говорил, что природа хвори была магической, и захотел изучить те стороны

устройства нашей реальности, которых прежде не касался, чтобы предотвратить возможность повторения беды. Я бы не отказался, если бы она исчезла... Именно исчезла, а не попала в дурные руки. Поэтому вынужден отказать.

– Тебе-то что? Она ведь не твоя, – Вагрус, конечно, не считал себя противником, способным запугать, но... – Если тот человек сам придёт за ней – ты уверен, что выдержишь? Он убивает за секунды, я сам видел, оттого и нахожусь здесь, а не у себя дома, – Вагрус поёжился от леденящих кровь воспоминаний.

Шейд посмотрел на него как взрослый – на несмышлёного малыша.

– Потому что есть важнее, чем сохранность шкуры. Тем более, что она угодит в ещё худшую опасность, если такой мощью воспользуются не те руки. Сэр Ричард, к сожалению, сам не осознаёт, какое страшное оружие ему довелось случайно сотворить.

В такие моменты Вагрус одновременно был очень счастлив, что никогда не занимался ни магией, ни алхимией, и, следовательно, не имел ни малейшего касательства к этим многослойным и запутанным, поистине головоломным материям... и горько сожалел об этом, поскольку и способов обезопасить себя от их воздействия тоже не знал. Впрочем, тут, пожалуй, защититься. Ну, да, как же.

– Разве этим должен заниматься ты? – Вагрус всё ещё ничего не понимал.

– Я не могу подвергать сэра Ричарда опасности, а ему не простят, что он связался с запретными искусствами. Так уж вышло, что меня вовлекли в это, а я... Мне стало любопытно. Сэр Ричард ни на кого не похож. Находиться рядом с ним, пусть и в тени – честь. И я не готов позволить ему упасть в кромешный мрак, что ожидает всех отступников его пути.

– А я не могу вернуться ни с чем. Вероятно, тогда со мной сделают что-то плохое. Даже хуже, чем просто убьют. Ты не видел его... Я не уверен что он – человек.

– Тогда оставайся, – просто улыбнулся Шейд. – Хотя признаюсь честно – я сам давно уже не совсем человек. Тебе придётся выбирать, кого ты боишься больше – нас с господином Ричардом или твоего таинственного незнакомца.

И Вагрус почувствовал тем самым чутким сердцем, что уже не раз выручало его из тупиков – Шейд умеет обеспечивать безопасность и благополучие тех, кто ему небезразличен. Этот не предаёт и не бросает. И, кажется, даже знаком с понятием "прийти на выручку бескорыстно". Это было чем-то новеньким для Вагруса, и он уставился на диковинное в его полном лжи и ножей в спину прозябании на дне общества явление.

Глава 2. Осквернение могил

Полчища бледно-синих и болотно-зелёных человекоподобных тварей, корчащихся морды в бездумной агрессии, наступали на холм со всех сторон. Ричард сорвал с пояса скляночку с клубящимся внутри, мечущимся в поисках выхода, томящимся алым дымом и швырнул в гущу монстров. Едва лишь та разбилась – её содержимое взметнулось пламенем освобождённого пожара, и не менее двух дюжин даже не успевших осознать новую опасность чудовищ сгорели дотла прямо на месте. Не удовлетворённый ими, огонь перекинулся дальше, да так и пошёл гулять по толпе. Твари, очевидно, были начисто лишены инстинкта самосохранения – их ума не хватало даже на то, чтобы держаться подальше от гибнущих собратьев. Наоборот, огонь будто притягивал и манил их, как железо влечёт на магнит, а ночных мотыльков – на свечу или лампу. Они как будто не давали себе отчёта, что он разрушает их тела... Или они именно к этому где-то в глубине души и тянулись? Мозг отдавал им лишь простейшие команды, и они не узнавали никого, ни родственников, ни самих себя в зеркале, но... Может быть, остатков личности хватало на то, чтобы покончить с собой и больше не нести никому беду? Ричард, конечно, в данном случае ожидал от них уровень сознательности и ответственности, не всегда доступный полноценным, не искорёженным насильственной трансмутацией людям. Скорее всего, они просто замечали что-то яркое, режущее взгляд и совершенно непонятное, и тащи-

лись к источнику загадочных для них впечатлений, ища, нет ли чего пожить. В их сером и бесприютном мире оно, наверно, казалось чем-то волшебным.

По правую сторону от Ричарда взмахивал огромным двуручным мечом статный длинно-волосый блондин в латных доспехах, снося каждым ударом по пять-шесть врагов. Он широко улыбался, явно наслаждаясь схваткой... Да уж, Карои всегда был таким. Неистовым, целиком отдающимся пылу схватки, коллекционирующим их, как иные собирают редкие камни, произведения искусства или памятные реликвии тех мест, где побывали. Карои не собирался дожить до старости – и не скрывал этого. Подобный финал казался ему невыносимо скучным. Не то, чтобы он нарочно искал смерти, наоборот, ему нравилось жить, он пил приключения и в целом события вокруг большими жадными глотками – но, когда ему станет тяжело держать оружие, он ввяжется в свой последний бой, из которого не выйдет.

– Ты нечестно сражаешься, – почти обиженно выдохнул он.

– А разве тут идёт речь о том, честно или нет? Я никогда не прощу Старатоса за то, что он сделал с этими бедными сельчанами, – возразил Ричард, переводя взгляд обратно на изменённых до неузнаваемости жителей ближайших четырёх или пяти деревень.

Пока шёл бой – тот продолжал своё чёрное дело, и в эту самую минуту где-то ещё какие-то люди безвозвратно теряли свою суть. Вот почему Ричард никак не понимал радостного азарта Карои. Сам бы он предпочёл тихо и мирно сидеть в столице, корпеть над книгами в библиотеке и смесями – в лаборатории. Если ему дают поручение – значит, кто-то уже пострадал. Какой смысл рьяно и страстно карать зло, если куда лучше не давать ему шанса возникнуть? Хотя отступника Старатоса ухитрились проморгать все, а он ведь прямо в столице проворачивал по крайней мере половину грязных афер и подлых опытов.

– Ты рыцарь! Ты не имеешь права вести себя подло! Не говоря о том, что так ты не получишь удовольствия от сражения!

– Я и так никогда его не получаю. А ещё считаю, что продуктивность в данном случае гораздо важнее принципов, – Ричард не отступил бы от этого убеждения и за все богатства мира.

Нормальные, никакого зла не причинявшие, лояльные королю обыватели необратимо становились вот такими кровожадными уродами, которых вели только животные инстинкты и смутная ненависть к тем, кто не попал под ритуал и не потерял всё самое важное – дом, семью, друзей, даже смысл жизни. Он избавлял их от страданий в ужасной форме существования, а также уничтожал опасность, которую они в себе поневоле теперь несли, искалеченные, не помнящие, кем были прежде – но ему не приносило это радости. Они как будто приоткрывали собой завесу над тем измерением, куда живым людям путь заказан. Ричард обычно восхищался алхимией, но в такие моменты она внушала ему лишь отвращение, и в нём даже шевелился стыд за то, что он посвятил ей себя.

Ричард кинулся бегом вниз по склону холма, мимо горящих, дёргающихся, воющих тел. Он выхватил из-за пазухи маленький свиток и развернул его. Начертанные внутри символы стремительными копьями просвистели в воздухе и вонзились в ещё несколько целей, оборвав их атакующий прыжок на алхимика. Мёртвые, иссохшие, скрюченные деревья и пустые тускло-серые небеса равнодушно взирали на это побоище.

Откуда-то из-за домов взметнулось белоснежное зарево. Там, на втором фронте, оборону держали Ишка и Беатриче. За них Ричард был спокоен – но понимал, отчего Ишка предпочла пойти с по-прежнему раздражающей её донельзя заклинательницей карт, чем с Карои. Её методы были ещё беспощаднее и суровее, чем у Ричарда, и, конечно, она не хотела, чтобы чересчур благородный и светлый духом паладин застал подобное. Тот, конечно, прекрасно знал, как она дерётся, но одно дело просто знать, а другое – увидеть воочию. На их совместных заданиях прежде в битвы шли Карои и Ричард, а Ишка обеспечивала защиту или ограничивалась тем, что вспышками своей удивительной энергии ослепляла и дезориентировала против-

ников. Самое большое – она выпускала дюжину-другую стрел, если их положение осложнялось. Сегодня позволить себе роль обычной поддержки она, увы, не могла. Ишка и Беатриче устроили зачистку во много раз яростнее, чем Ричард и Карои. И злость их была дурной, мрачной, не как у Карои – лёгкой и разудалой, беспашабашной и ярко искрящейся.

– Старатос там, в Кургане Цинтии! – выдохнул Ричард. Его поисковой знак сработал.

– Неужели он осквернил останки Леди-Целительницы?! – чуть ли не прорычал Карои, догоняя друга. Эмоции так переполнили его, что следующим ударом он отправил четырёх монстров в полёт.

– Я надеялся, что её остаточная благая аура не подпустит зло хотя бы к самому Кургану, но, видимо, я ошибся, – пасмурно проворчал Ричард.

Огромный валун, перегораживающий вход в усыпальницу леди Цинтии, разлетелся на крохотные обломки от направленного в него Ричардом знака грубой физической силы. Обычно этот знак использовался в алхимических ритуалах для укрепления предмета и придания ему большей мощи, но сейчас хватило его, применённого в чистом виде.

Заметив, как по каменным стенам пляшут багровые сполохи, идущие откуда-то из глубин, Ричард лишь пуще взбеленился. В королевстве жители разных городов часто презирали друг друга, знать ни во что не ставила "немытых плебеев", а простолюдины называли аристократов не иначе, как зажавшимися свиньями. Тем не менее, леди Цинтию уважали и любили равно верхи, низы и средний слой, потому что она никогда не делала никакой разницы, кто и откуда тот, кому необходима помощь. Она улыбалась всем и находила добрые слова для каждого, и, если не могла спасти – всегда облегчала смертные муки, провожала до самого конца. Чтобы у кого-то поднялась рука тревожить её могилу?.. Да кем для этого надо быть! Нет Старатосу ни прощения, ни снисхождения.

Они вбежали в просторную залу, своды которой терялись высоко у них над головами. Ради достойного упокоения госпожи Цинтии не пожалели ни времени, ни сил, ни ресурсов. Но теперь всё это огромное помещение ощущалось отравленным и больным. Нежное голубое освещение, которому здесь полагалось быть, исчезло. Зловещее алое сияние источали узоры из десятков переплетённых между собой алхимических символов, ими Старатос расписывал стены испоганенного его волей склепа. Он ещё не закончил, но, судя по всему, оставалось всего ничего.

– Как ты посмел?! – зарычал Ричард.

– А в чём дело? – Старатос перевёл на него задумчивый и совершенно невинный взгляд голубых глаз. – Все рано или поздно умирают, а кости одинаковые.

Ричард едва не задохнулся от ненависти.

– Ты не поймёшь меня, если у тебя в жизни ещё не появилась такая цель, ради достижения которой хороши все средства, – продолжал Старатос. – Ты будешь готов идти к ней, какие бы препятствия ни вставали на пути.

– Я не настолько эгоист, – оскалился Ричард.

– Конечно, пока ещё нет, ведь твоё сердце не горит. То, во что окунулся я, мне уже не забыть и не стереть. Сначала я хотел, чтобы это оказалось дурным сном, но затем осознал – мне дарована сладкая грёза, и ради неё мне ничего и никого не жаль.

– Да что ты с ним разговариваешь?! Не сам ли собирался истребить его сразу, как застанешь?! – выдохнул Карои и бросился на Старатоса первым.

Его зачарованный меч и прочнейшие доспехи выдержали бы погружение в магму и удар тарана, но Старатос даже внимания на них не обратил. Он сделал простой отвращающий жест рукой – и Карои впечатало в дальнюю стену. Ричард заметил на ладони Старатоса знак трансформации окружающей среды. Обычно тот просто ускорял реакцию компонентов всевозможных смесей друг на друга или менял свойства какого-то вещества – и то лишь чуть-чуть, во что-то кардинально другое не преобразовывал.

– У меня нет причин вас убивать. Воин забавен, а ты, Ричард... Я верю, что однажды ты непременно откроешь ту же непревзойдённую красоту, что и я.

– Ну уж нет! Или ты полагаешь благом то, что произошло с теми людьми снаружи?!

– Именно так. Я освободил их от привязанностей и страстей. И чьей-то внешности или богатству ни один из них не завидует, они теперь во всём равны.

Старатос вовсе не издевался, в его миропредставлении всё так и обстояло. Он и впрямь считал, что убрал у этих людей всё лишнее.

– Ну, ты и тварь!

Ричард направил на него собственные руки, на правой белоснежно красовался древний знак алеф, на левой – рдел обрамлённый "коронай" языков пламени треугольник огня, заключённый в круг могущества. Первый безвредно впитала мантия Старатоса, второй он погасил встречным символом воды. Этот бледный, выглядящий гораздо моложе своих лет мужчина сейчас казался даже отчасти величественным, и это было хуже всего. Он смотрел на товарища-алхимика как на дорогое, но несмышлёное и строптивое дитя.

– Если ты думаешь, что это нормально – сделай и себя таким же, зачем ты медлишь?! – ядовито выплюнул Ричард.

– На себя у меня другие планы... Я изучаю формы и границы.

Следующим, что применил Ричард, было сочетание призыва воды с его моментальной конверсией в лёд. Полсотни острых стрел посыпались дождём на Старатоса, и кого-то другого они бы изрешетили, но Старатос отклонил атаку – стрелы вонзались повсюду, но его не задела ни одна.

– Это бесполезно. Идём со мной. Я тебя научу такому, чего ни в одной книге нет.

Но, прежде, чем Ричард успел ответить, вбежала Ишка. Всплеск её духовной энергии прошёлся по трудам Старатоса, подчистую стирая их.

– Очень жаль. Но мы ещё вернёмся к этому, – вздохнул Старатос и вошёл в начерченную на полу гексаграмму переноса. Её контуры зажглись пульсирующим золотым, и тёмный алхимик исчез.

Ишка кинулась к распростёртому на полу ничком Карои, а Ричард стоял, безвольно опустив руки вдоль тела, оглушённый и расстроенный. Он не привык настолько откровенно стлавкаться со своей полной неспособностью что-либо сделать врагу. Похоже, что этот клин другим клином, то есть, алхимию – алхимией не вышибить. И у Ричарда не нашлось аргументов против риторики Старатоса, хотя она и была очевидно гнилой и мерзостной. Он знал, что нашлись бы те, кто добровольно разделит бы такую точку зрения и добровольно отказался бы от привязанностей и обязательств, эмоций и чувств. Они страдают, их сердца перегружены заботами и ранены потерями. Избавить от такой ноши они сочтут за счастье. Правда, вряд ли облик монстра кому бы то ни было понравится, но, как говорится, незачем заранее сообщать всю правду о таких житейских мелочах... Кроме того, Ричард не понимал, почему едва ли не каждый отступник предрекал ему, что он однажды пополнит их ряды. Это задевало, словно им было доступно подмечать в нём что-то такое, о чём сам Ричард даже и не догадывался.

Старатос вышел на серый каменный пол своего убежища и, стянув рабочие перчатки, бросил их в урну около входа. Он никогда не надевал одни и те же дважды. Мимоходом, даже не задумываясь об этом, он начертил в воздухе такой же знак огня, как тот, которым бросался Ричард – и содержимое урны вспыхнуло.

Как же Старатосу хотелось, чтобы этот молодой многообещающий парень примкнул к его грандиозным планам! Ричард цеплялся за мелочи. Можно подумать, хоть какие-то реформы в истории обходились без сотен человеческих жертв. Так или иначе кто-то да попадал под колесо меняющейся реальности. Настоящие значимые в масштабах государств и континентов личности – всегда хоть немного да тираны. Старатос жаждал научиться влиять на природу, ускорять

или отменять её процессы, но так, чтобы это вписывалось естественно и не вызывало катаклизмов. Он верил, что человеческий мозг способен постичь любые тайны. Изменение физической оболочки и мировосприятия кажется страшным и трагическим лишь тем, кто чересчур цепляется за внешность, за свои банальные привычки, вообще за всё бытовое и приземлённое. Или как Ричард – подсознательно уверенным, что человек – венец творения. У мальчишки грандиозный потенциал, но тот его растрчивает бездарно и необдуманно, брызжет во все стороны, не ставит себе настоящей большой цели. Мораль бессмысленна и бесполезна, она чересчур ограничивает. Куда занятнее руководствоваться не представлениями о так называемом хорошем и плохом, которые у каждого свои, а пользой и вредом. Их и определить гораздо легче, а то о первой парочке можно, знаете ли, спорить до хрипоты. Здесь же всё наглядно, что-то либо способствует развитию и движению вперёд, либо мешает. Многие дерзают замахиваться на масштабное и грандиозное, и злодеями, сумасшедшими и изуверами из них клеймят тех, кто потерпел поражение. Победителей же, как известно, не судят. Ха! Какие двойные стандарты! Если бы речь шла о воздушном, ангелоподобном облике – сопротивление наверняка было бы в разы меньше, если бы вообще было. И мало кто, кроме совсем уж фанатиков, восклицал бы, что это против природы и все остальные их типичные аргументы.

Старатос зажёл четыре фиолетовых кристалла, левитирующих в полуметре над полом, расположенных вокруг прямоугольного чёрного алтаря. Его ожидало сегодня много работы. Ритуал, прерванный в Кургане Цинтии, был лишь малой её частью. К счастью, оставалось ещё очень много способов добиться поставленного результата. Старатос рассыпал несколько пригоршней особой алхимической соли, в еду такую не добавишь, и начал что-то чертить на ней. Лев, змея, земля, луна, солнце. Лев держал солнце между передних лап, стоя на задних, а змея, разинув пасть, явно наметилась проглотить луну. Затем Старатос добавил к этому щепоть толчёного рубина и щепоть алмазной крошки. Рубин пошёл льву, алмаз – змее. И, наконец, маленьким кинжальчиком Старатос разрезал себе левую ладонь и окропил всё той драгоценной жидкостью, что обеспечивала жизнь и здоровье каждого биологического организма.

– Заклинаю семью планами бытия и четырьмя стихийными первоосновами, заклинаю серебряным севером и золотым югом, пурпурным востоком и голубым западом, Полярной звездой и стержнем мироздания, заклинаю кровью своей и именами шести великих, Лелу, Амπτу, Сондры, Эрити, Фанво, Авриса, взываю к нижнему слою реальности, где находят последнее пристанище души, и к верхнему, откуда они спускаются в миг рождения – раскройся мне, доверься мне, возьми меня, будь мной, и позволь мне быть тобой!

Разумеется, не будучи дураком, Старатос использовал сокращённые, также пригодные для обряда, но безопасные формы имён, чтобы не призвать лихо на свою голову. Вечным не нравилось, когда смертные букашки тревожили их бесконечное созерцание идеальной гармонии пространства и времени. А назойливых букашек чаще всего смахивают или прихлопывают. Это, конечно, отчасти смахивало на кражу, когда никто не замечает, исподтишка, но Старатос не гнушался и таким – гордость, по его мнению, был таким же ложным идолом, как любовь. Из-за этого фальшивого понятия многие нажили себе проблем или отправились на плаху. Гордость была причиной немалою числа войн. И она порой прямо противоречила логике и здравому смыслу. Заставляла людей принимать невыгодные им решения. Гордость лишает чувства самосохранения, она швыряет так называемых героев в пекло и заставляет свариться там. Часто она мешает пробовать то новое, что неискушённым обывателям и вообще всем, кто мыслит слишком прямо и поверхностно, кажется оскорбительным и унижительным.

Старатос волновался, но, кажется, напрасно. Почти сразу он почувствовал обжигающий прилив силы, ему не принадлежащей, она переполнила его до кончиков пальцев. Старатос раскинул руки в стороны, словно хотел обнять что-то незримое, и засмеялся. Восторг и благоговение, что охватили его, не были сравнимы ни с чем другим. Он чётко осознал, что поступает совершенно верно, наконец-то получил этому наглядное подтверждение. Образы хлынули в

его сознание рекой, Старатос в блеске и красках видел эпохи, что канули в пучину далёкого прошлого, и те, которые ещё лишь должны были прийти. Видел незнакомые места и их обитателей, слышал сотни различнейших языков. . . И всё это отныне предназначалось лишь ему. Вот только нет никакой радости в том, чтобы владеть чем-то подобным единолично – это эгоизм, а Старатос мечтал быть альтруистом, ведь, если он добьётся успеха – то вовсе не ради славы, а чтобы воочию наблюдать эволюцию рода человеческого, того, как мир умирает и воскресает в новом обличье. Ради возлюбленных сородичей Старатос посрамит любые предрассудки, ограничения и обманчивую, иллюзорную непреложность факта конечности существования. Это его долг, то, ради чего он приносил клятву алхимика. Жаль, что ни Его Величество, ни бывшие товарищи не понимают – он всё ещё предан делу, которому посвятил себя. И он по-прежнему готов прийти к ним на помощь и даже поделиться всеми исследованиями – за призрачный шанс быть принятым и получить добровольных ассистентов. Старатосу уже изрядно поднадоело ютиться по заброшенным пещерам и недостроенным домам в захолустье – он предпочёл бы работать в столице, да не одному, а командой захваченных одной идеей.

Глава 3. Обман

Кабак был дешёвым и малоизвестным, давая прекрасное сочетание легкодоступного, но на деле почти не имеющего посетителей места, где никто не мешал спокойно разговаривать. В последнюю очередь такую дыру получилось бы вообразить как место встречи хоть немного уважающих себя людей. Разносчиков здесь, разумеется, отродясь не водилось, и ходить к стойке заказывать, а потом и приносить себе выпивку полагалось самим. Вагрус и таинственный, так и не называющий себя маг для вида купили по кружке, но пробовать не спешили. Даже Вагрус, куда менее привередливый, чем его собеседник, небезосновательно предполагал, что это – прямой способ отравиться. Кроме того, он нуждался в кристально трезвой и бодрой голове – диалог предстоял не из лёгких.

– Проникновение удалось, – начал он, глядя в глаза опасному существу. Возможно, у страха глаза уж чересчур велики, но Вагрус не удивился бы, если бы этот человек оказался самой опасной персоной на континенте.

Тот молчал, ожидая продолжения. Пока – флегматично и безмятежно, и даже благоклонно.

– Вот то, что вы искали.

Предмет мирно лежал в зачарованной прозрачной коробочке, выданной магом с предупреждением, что голыми руками артефакт лучше не трогать, и просто положить тот в сумку не выйдет – некоторые такие вещи были снабжены знаком возвращения, если их отнести на определённое расстояние. Вагрус понимал, что очень рискует, и его прошибал холодный пот при одной лишь мысли о том, что неизвестный решит проверить свой трофей прямо здесь, но отчаянно уповал, что заказчик сферы не захочет показывать её на публике.

– Хорошая работа, мальчик. Вот твоя плата.

Маг выложил на стол два кольца и брошь. Редкостные в этот век тотального запрета любых чар, кроме алхимических – заговорённые. Вагрус привык к мысли, что такие безделушки носят либо женщины либо уроженцы далёкой юго-восточной страны, почти сказочной, если бы оттуда не приходили торговые караваны, полные невероятных, экзотически пышных, достойных короля но явно для заморских гостей повседневных вещей, и не появлялись люди, которые ни при каких обстоятельствах не могли родиться здесь. И море, и те земли Вагрус видел только на картинках в книжках о великих путешественниках. . . Но украшения, предложенные ему магом, равно подходили представителям любого пола.

– Золотое кольцо поможет тебе видеть в темноте, изумрудное – дышать под водой. Аметистовая брошь же будет защищать от любых физических атак, с ней тебе будут не страшны больше ни мечи, ни стрелы. Я изготовил их лично и проверил – всё работает.

Вагрус заставил себя улыбнуться. Если маг не пытается ему всучить подделки, которые быстро выдохнутся, то в сочетании с уже имеющимися у него браслетом, сапогами и пуговицами на плаще он сможет побороться по крайней мере с низкоранговыми алхимиками – учениками и новичками. А, может быть, и с кем-то повнушительнее. И... У него никогда не было таких удивительно красивых, изысканных вещей. Даже показалось, будто всё это происходит вовсе и не с ним. Вагрус привык крайне настороженно и очень долго ходить вокруг чего-то хорошего, что ему давали, подозрительно принохиваясь в попытках найти, где же подвох. На его взгляд, он получил куда более роскошный дар, чем стоила игрушка-сфера. Или она действительно настолько важна и ценна? С трудом верилось. Выглядела она не лучше любого шарлатанского кристалла для гаданий, каких полно на ярмарках в дни распродаж.

– Не желаете ли вы дать мне ещё какое-то поручение? – нейтрально-вежливо осведомился Вагрус.

– Возможно, – задумчиво проговорил его странный работодатель. – Но не сегодня. Если ты доживёшь, конечно, до нашей следующей встречи после того, что начнётся из-за твоего вмешательства в дела алхимиков.

Вагрус изо всех сил постарался не выдать своё облегчение. Между тем от этих слов ему даже дышать легче стало – благодаря надежде, что ему скоро позволят отбыть восвояси, и ничего плохого уж точно не произойдёт. Он знал, что Шейд поблизости и прикроет его, если вдруг что, но всегда оставался страшный шанс того, что даже этот виртуозный плут не успеет на выручку. Каким образом тот успел завоевать такое абсолютное доверие Вагруса – оставалось загадкой, но ему это удалось, а ведь поладить с Вагрусом обычно бывало сложнее, чем подманить пуганого, битого-перебитого зверька. Кому другому Шейд показался бы изворотливым и скользким, как угорь, но Вагрус доверял своему чутью на людей. Он совершенно не сомневался, что Шейд умеет продавать, предавать и просто бросать, но все обещания, которые тот дал конкретно ему, воспринял всерьёз.

– Советую бросить всё и на время покинуть столицу, – в голосе мага проскользнули отеческие интонации.

– Я подумаю... Спасибо, – кивнул Вагрус.

– Мне пора. Желаю удачи.

Маг поднялся, небрежно бросил рядом с кружками пригоршню монет, платя за обоих, хотя к своему пиву так и не притронулся, и вышел. Вагрус вытер лоб – напряжение отпускало его медленно, и воткнутый вместо позвоночника железный стержень, держащий его спину безупречно прямо, не спешил исчезать. А ведь нужно поскорее выбираться отсюда и прятаться как можно лучше – если маг раскусит подделку прежде, чем та взорвётся у него в руках, то наверняка спустит с него, Вагруса, шкуру. Шейд сказал, что распознать дубликат невозможно, не попробовав активировать, но, если это произойдёт – будет уже поздно, мощь заряда сотрёт того, кто привёл её в действие. Вагрус забеспокоился о случайных жертвах, но Шейд поклялся, что сила лже-артефакта распознаёт личности и покарает лишь вора.

– Пора уходить, – произнёс мягкий голос, и странно тёплая словно бы лёд научился не морозить, а согревать, ладонь легла на плечо Вагруса.

Шейд вышел из самого тёмного угла таверны совершенно незаметно. Вагрус даже поклялся бы, что его новый друг прошёл сквозь стену, а не скрывался там всё это время. При этом ему было так же очевидно, что Шейд подслушивал... Вот только не физическим присутствием. Если бы ему сказали, что он не угадал – Вагрус был бы разочарован.

– Ты прекрасно справился. Будем надеяться, что избавились от него, – по тону Шейда возникало впечатление, будто он глубоко и от всего сердца гордится Вагрусом.

Это было приятно. Так приятно, что с кем-то другим Вагрус бы решил, что ему мерещится, или что его хотят зачем-то обвести вокруг пальца. Шейд, однако, расположил к себе,

даже не стараясь ради этого. Было в нём обаяние – недоброе и даже отчасти циничное, но оттого не менее притягательное.

– Но оставаться начеку, да? – улыбнулся, поднимаясь, Вагрус.

– Именно.

Неизвестно, как долго ещё бы не пропал паралич Вагруса, если бы Шейд не вмешался, чтобы забрать его, словно заботливый старший брат. Возраст Шейда никак не угадывался по лицу, такие нейтральные черты могли принадлежать и двадцати-, и сорокалетнему. Зато властности, тонко переплетённой с искренней заботой, ему было не занимать, поэтому Вагрус воспринимал его исключительно как старшего. Того, кому можно и воспитывать, и даже иногда прикрикнуть.

– Если вдруг не получится – будем как можем тянуть время. Нам нужно продержаться до возвращения сэра Ричарда. Это его профессия – устранять агрессивных смутьянов, – серьёзно сказал Шейд.

– А он точно справится? – тревожно уточнил Вагрус.

– Да. Я тебя уверяю, он и его команда сталкивались с таким, что нам и не снилось.

На улице промозглым, добирающимся до самых костей холодом прохватило куда ощутимее, чем обычно. Ночная темнота медленно расползлась по небесам, гася последние признаки уходящего дня. Когда они вернулись в особняк, деревья и кусты уже начали казаться мрачными и враждебными, словно прежнюю реальность понемногу вытесняло нечто иное. Вагрус знал, что это лишь фокусы нервов и воображения, но логика тут не помогала. Нет, он не боялся темноты, но именно сегодня та казалась особенно зловещей и полной крадущихся теней. К счастью, в помещениях просторного дома сэра Ричарда было тепло, светло и гораздо более уютно, чем в третьесортной таверне.

– Слушай, если не секрет... Расскажи, как вы с сэром Ричардом познакомились? – спросил Вагрус, занимая место за столом и наблюдая, как Шейд заваривает чай, как выверенно и ловко, с полным знанием дела, двигаются его тонкие пальцы.

– А мы не знакомы, – Шейд скосил на него лукавый взгляд и хитро улыбнулся. – Но тебе не помешает. Сэр Ричард не прогонит.

– Зачем это мне?

– Он ищет достаточно прилежного ученика, а тебе не помешает протекция. Или так и хочешь всю жизнь провести в трущобах, питаешься тем, что удалось стянуть?

– Я никогда не был нахлебником и обузой. Может, и не вполне честно, зато я добываю всё, что мне нужно, сам, – глухо сказал Вагрус, расценив предложение Шейда как лёгкое, но всё же оскорбление.

– Ну, что ты! – рассмеялся Шейд. – Я же чётко сказал – ты будешь учеником. Пройдёшь всё, что полагается знать начинающему алхимику – и твоё содержание окупится втрое. Спрос высокий, к твоему сведению, толковых мастеров не хватает.

– А откуда ты взял, что я буду толковым? – удивился Вагрус.

– Вижу. Наблюдаю за тобой и подмечаю мелочи. Ты в себе не уверен, но это поправимо. А мне... Честно признаться, будет спокойнее, если кто-то надёжный будет рядом с сэром Ричардом.

Вагрус нервно усмехнулся. Это он-то, вор и пройдоха, каких поискать, залезающий в чужие карманы как в собственные и ничуть не стесняющийся этого – надёжный? Забавная шутка. Вот только Шейд был настолько серьёзен, собран и деловит, несмотря на улыбку и блестящие глаза, что становилось совершенно очевидно – он действительно так думал. Конечно, Вагрус не сказал бы, что это вовсе ему не льстило, но растерянность перекрывала удовольствие.

– А почему не ты сам? – всё же рискнул полюбопытствовать Вагрус.

– Потому что мне запрещено. Для той задачи, которую я выполняю во благо сэра Ричарда, мне нужно оставаться инкогнито.

Чай был крепкий, пах мятой и чабрецом. Вагрус держал кружку обеими руками и отпивал маленькими глоточками. Он очень давно не погружался в состояние, когда можно никуда не спешить.

– А ты всегда делаешь то, что тебе велят? – лукаво осведомился Вагрус, улыбаясь уголками губ.

Шейд, однако, не подхватил его настроение.

– Это вопрос моего выживания. Видишь ли, я крайне зависим от того, думает ли Его Величество, что я более полезен живым, чем мёртвым, или у него есть в планах устранить аномалию. Пойти мне больше некуда. Король спас меня, и я никогда не выплачу ему этот долг.

Шейд не выглядел расстроенным, скорее всего, он давно смирился со своей у частью. На его лице застыло выражение какого-то мрачного удовлетворения. Он, кажется, находил даже некий азарт в том, чтобы выбираться из ситуаций с билетом в один конец, вопреки всему, даже если у него нет своего дома, и его никто не ждёт. Он не искал высших целей, не терзался отсутствием родных и семьи, просто шёл вперёд, напролом, пока впереди угадывался хоть какой-то путь. В этом у них с Вагрусом было много общего. Они не желали умирать по привычке к жизни и из чистого упрямства, как хочешь выиграть игру, в которой не полагается никаких призов, но, раз уже начал и даже куда-то продвинулся от старта, почему бы не закончить красиво, не уступая другим участникам. А их стремление к победе не меньше, так что приходится, само собой, вертеться, трудиться, из кожи вон лезть.

– Когда это лишь случилось со мной... То, что сделало меня таким... Я часто спрашивал небеса, за что мне настолько страшное испытание, в чём я провинился, и почему никто не хочет войти в моё положение и спасти меня. Лишь затем я осознал, что страшные вещи происходят просто так и повсюду, никто не в безопасности, а мир не задуман как справедливое и честное место. Если я хочу уцелеть и чего-то добиться – я должен постараться для этого сам, и, если кто-то что-то делает для другого – уж точно никогда не бескорыстно, даже если награда, на которую он рассчитывает, исчисляется не в деньгах и других материальных богатствах. Эмоции, симпатия, благодарность – тоже своеобразная валюта.

– Но разве эмоции – не взаимный обмен? – Вагрус был слегка задет такой циничностью.

– Не всегда. В некоторых случаях ты втираешься в доверие и аккуратно приводишь других к нужным тебе реакциям, оставаясь безразличным.

– А какой выгоды ты ждёшь от меня? – колюче спросил Вагрус, отставляя чашку и глядя Шейду в глаза.

Тот неопределённо пожал плечами.

– Я ещё не решил, потому что не планировал твоё появление и не рассчитывал на него. Я пока лишь присматриваюсь, думаю, где и в чём ты можешь быть полезен. Раз уж так получилось, что ты здесь – я непременно найду этому применение. Поэтому в настоящее время я заинтересован в твоей сохранности. Считаю её своей прямой ответственностью.

Вагрус понимал, что в подходе Шейда есть рациональное зерно, и с таким мировоззрением уж точно не пропадёшь, но что-то во всём этом ему претило. Не ведая страстей, оберегая себя и от чересчур ярких взлётов, и от сокрушительных падений, Шейд и жил-то словно бы наполовину. Его красивые, классически точёные черты лица были бесстрастны, как у каменной или восковой скульптуры. Нет, всё же каменной – воск слишком податлив. Казалось, ничто в мире, кроме, пожалуй, прямого конца света, не поколеблет внутреннее равновесие этого человека. И всё же Вагрус не мог не признать хотя бы себе – Шейд интриговал его и странно притягивал.

– Ты ведь понимаешь, – холодно и едко начал Вагрус, – что даже спасённая тобой сегодня жизнь не делает меня твоим должником до такой степени, и я не стал твоим имуществом? Мы живём не в древние времена отсталых племён, где тот, кто отвёл неминуемую смерть, мог

распоряжаться другим человеком, его домом, даже детьми и женой. Я всегда считал, что такие поступки надо или совершать бескорыстно, или не делать вообще.

– Ты, значит, поклонник благородных рыцарей? Хорошо, что сэр Ричард теперь ещё и один из них. Он, безусловно, оценит, – сухо сказал Шейд, уходя от какого-либо точного ответа.

Вагрус задохнулся от возмущения и умолк. Ладно, он потерпит присутствие этого истукана, пока не вернётся алхимик.

Ладони Элиши светились приятным и нежным золотистым светом, когда она водила ими вдоль тела бесчувственного Карои, не касаясь. Она что-то едва слышно напевала, поддерживая связь с то ли божественной, то ли просто потусторонней субстанцией, которую использовала. Элиша будто бы не замечала никого и ничего вокруг, полностью сосредоточенная на своём деле. Девушка, присутствуя в комнате физически, казалась лишь отголоском себя, в то время как настоящая сущность парила где-то далеко.

– Я не могу исцелить такое сама. Я лишь обеспечила ему стабильное состояние, угрозы для жизни больше нет, – устало сказала наконец она. – Нужно отвезти его в Челлет. Мои учителя помогут.

– Я с тобой, – тут же вызвалась Ишка.

– Буду благодарна, – улыбнулась Элиша, похожая сейчас на маленького счастливого ангела, белокурого и голубоглазого. – А вот Ричарду придётся остаться здесь. Они не любят алхимиков.

– А кто же нас любит, – понимающе, с лёгкой самоиронией рассмеялся Ричард.

– Я берусь за прогнозирование дальнейших планов Старатоса. Колода поможет мне в этом... Но не быстро. Правильный ритуал займёт три полных дня, – сказала Беатриче. – Если нам особенно повезёт – карты укажут и место, где он прячется. Или которое нужно особенно беречь от него.

Любой, кто пренебрежительно или брезгливо относился к гадалкам и провидицам, потерял бы все свои сомнения и подозрения навсегда, посмотрев, как Беатриче орудует с её колодой. Мистическая аура, чарующим и слегка пугающим флёром окутывающая эту женщину, затрагивала всё, за что Беатриче бралась, и оставляла неизгладимое, острое, как краски умиряющего заката, впечатление. Она пробуждала то самое настроение, с которым люди идут в балаганчик магических фокусов, прекрасно зная, что это всё подделка, искусство рук и воображения, но втайне радуясь обману и надеясь, что он вдруг окажется правдой.

– Будь осторожна. Старатос может почувствовать, что ты загадываешь на него, – обеспокоенно предупредил Ричард.

– Ну, разумеется! – Беатриче фыркнула. – За кого ты меня принимаешь? Но, если он придёт, – она лукаво прищурилась, – разве не этого ты хочешь? Зная, что он сунется туда, где я буду раскладывать узор, мы можем приготовить западню для него. Заманить добычу в более выгодные для тебя условия – ключ к победе.

– Но я не хочу при этом, чтобы ты была приманкой, – кусая нижнюю губу, возразил Ричард. – Обычно при ловле на живца хищника убивают, когда он уже заглотил угощение.

– Выбор у нас не так уж и велик, – жёстко напомнила ему Беатриче. – Ты бережёшь меня – и забываешь, что в эту самую минуту он может истязать и подвергать необратимому преобразованию кого-то ещё. Может быть, десятки людей. Одна лишь моя жизнь не может быть равна им всем.

Разумеется, Ричард ставил её как давнего и дорогого друга гораздо выше, чем безликих далёких незнакомцев, но вслух никогда бы в этом не признался, понимая, что неправильно относиться к людям так. Беатриче права, множество жизней всегда ценнее одной. Даже жизни гения. Ричард вообще был с самого детства искренне убеждён, что гении как раз и появляются на свет ради служения народу. Выдающиеся способности ничего не будут стоить, если не ради

кого их применять. Он изо всех сил стремился стать лучше, но в такие моменты становилось очевидно, насколько мало он, Ричард, ещё преуспел. И от жгучего стыда у него зарделись щёки, краска разлилась до ушей.

– Хорошо, мы попробуем, – сдался он. – Но, пожалуйста, не делай ничего без моего ведома.

Беатриче кивнула. Ричард немного успокоился, но не до конца, зная, что она держит обещания, лишь когда ей удобно и выгодно. Не назло, конечно же, а вот как, например, в данном случае – уверенная, что отлично позаботится о себе сама, а он пригоден лишь мешаться у неё под руками. И он знал, что по-прежнему отстаёт от неё, она постоянно изобретала новые приёмы и карты, а недавно, помимо боя веером, освоила метание отравленных спиц... Но всё равно его тянуло заботиться о ней, как и обо всех остальных друзьях. Увы, но перевоспитывать в этом Ричарда было поздно.

Глава 4. Кватрон

Кватрон Хилл не доверял алхимикам. Этим диким бешеным собакам, прекрасно рвущим на части всех, на кого укажет ошалевший от безнаказанности своего единовластия король, зверям, которым полагалось сидеть на цепи и жрать что дают, не способным жить в обществе именно по вине того, что делало их непревзойдёнными убийцами. Они вкусили крови и власти, они уже не остановятся. Кватрон видел, как они злоупотребляют своими полномочиями и выкручивают законы в удобную для себя сторону. Он бы им хлев чистить не доверил, не то, что распоряжаться таким артефактом, как пресловутая сфера, с трудом заполученная благодаря ловким рукам мальчишки Вагруса. И Кватрона не волновало, что алхимик изготовил её сам, и она принадлежала ему по праву. Этот дурак не ведаёт, что творит, к каким материям прикасается. Он погубит всех и даже не поймёт, что стряслось и почему. Кватрон поручился бы, что угадал, ведь его отец был таким же... Талантливый и умный, тот чересчур увлёкся, обманулся иллюзией лёгкой реализации любых фантазий лишь оттого, что ему долгое время удавалось всё, за что он брался. И грешная самонадеянность стала причиной смерти матери и сестры Кватрона. Отец исчез. Видимо, находясь в эпицентре, он был стёрт из реальности настолько, что и пепла не осталось. Ненавидеть отца или злиться на него не получалось, зато обе эти эмоции Кватрон вполне свободно расточал всем остальным алхимикам. Он бы не отказался слегка поспособствовать их полному исчезновению. Людям нельзя иметь доступ к настолько глубоким тайнам природы и механизмам влияния на неё. Это уровень даже не учёных, но богов, а смертному не по плечу стать богом.

Кватрон положил сферу на стол и приготовился выполнить Аннигиляцию. Он был готов поспорить, что это заклинание не помнит уже никто, кроме него. Никто не пошёл бы на те условия, которым подверг себя Кватрон, чтобы достать свиток. Он и сам бы не полез, но тогда у него не оставалось выбора... Возможно, хватило бы пламени Огненного Шара или Дыхания Дракона, но Кватрон хотел перестраховаться. Мерзость будет распылена на мельчайшие частицы, а те, в свою очередь, растворяется гаснущими искрами в бездонной крошечной пустоте. Кватрон улыбался, начиная произносить нужные слова. Кватрон ждал, что сфера окажет сопротивление, догадываясь, что она не просто покорный инструмент, безобидный, когда некому её направить, поэтому вокруг него и ритуального стола на полу тройным кольцом горели алые, золотые и зелёные руны. Глупцы, обнаружившие в себе дар, но не имеющие ни малейшего понятия, как с ним обращаться, полагают, будто магия повинует им. На самом же деле такая сила может быть только госпожой. А они и не замечают, как её тончайшие нити пронизывают их тела и души насквозь, управляют и направляют. У всего на свете есть цена, за власть и могущество платишь свободой. Ты становишься от них зависим, и тем больше, чем выше поднимаешься.

Кватрон ворожил, наблюдая, как сфера приобретает оттенок раскалённой лавы. Она вибрировала, словно бы предупреждая о том, что вся накопленная в ней энергия вот-вот вырвется и может натворить бед. Вступая в борьбу с этой мощью, руны выстрелили в неё лучами сияния того оттенка, который имели они сами. Эти лучи фиксировали сферу на одном месте, и, кроме того, часть её энергии утекала по ним, символы же бесследно поглощали отнятую магию, тем самым наращивая собственную мощь. Они становились сильнее за счёт того, что слабела она. Кватрон знал, что поступать так опасно, ведь, если он не удержит выкачанное из артефакта – то погибнет, а от лаборатории камня на камне не останется.

Очень скоро Кватрон заметил – что-то не так. Сфера отдавала немало, но ни капли – той тёмной субстанции, ради устранения которой он и затеял всю эту сложную процедуру. Всё, что выходило из вибрирующего шара, состояло из обычной магии разрушения, сконцентрированной под хрупкой будто бы нарочно оболочкой. Перед Кватроном находился обыкновенный взрывной снаряд, безусловно, тоже способный нанести немалый ущерб, но даже и близко не сравнимый с уровнем истинного зла. Озарение настигло Кватрона в тот же самый миг, как сфера всё-таки лопнула, разлетаясь на сотню мелких обломков. Впрочем, его заклинание тут же поглотило их, и он остался стоять около стола, не замечая, как одна за другой гаснут руны, как сам воздух очищается от колдовских эманаций и остывает. Кватрон не рассердился – его до некоторой степени даже восхитила наглость Вагруса. Так ловко обвести вокруг пальца того, кто мнит себя умнее! Парень далеко пойдёт, если не погибнет молодым.

Но, как бы то ни было, ему всё равно необходим настоящий артефакт. Кватрон слишком далеко зашёл, чтобы теперь отказываться от замысла. Столько лет подготовки, кропотливых трудов, смертельного риска непременно должны окупиться. Сфера чересчур опасна, чтобы просто махнуть рукой и забыть о ней. И, если Вагрус попытается мешать у него на пути – придётся убить, несмотря на всю симпатию Кватрона к юному вору. Увы, но таковы реалии жизни. Волк может вовсе не питать ненависти к ягнёнку, и даже находить того симпатичным и интересным, но питаться всем надо. Кватрон положил на алтарь этого безумного служения всего себя и был готов отправить туда же всех остальных. Пусть он и не соглашался никогда с принципом, что высокая цель оправдывает любые средства, ведь абсурдно и глупо, например, спасти мир, загубив половину этого самого мира – в данном случае именно так всё для него и работало. Кватрон знал, какой скверной был затронут артефакт, из какой мерзости алхимик его сотворил – если честно, он был искренне убеждён, что подобное и в руки-то взять нельзя, так как испустишь дух от ядовитых миазмов ещё на подходе, пока факты не доказали ему обратное, – и не верил, что из настолько тошнотворной погани выйдет хоть что-то хорошее, и что вещь не станет приносить несчастья и, в конечном счёте, гибель всем, кто до неё дотронется.

Кватрон, распахнув сияющий бледно-синий овал портала, мгновенно перенёсся на дорожку перед особняком алхимика. Он подходил, не таясь, нарочито неторопливо, чтобы в доме успели его как следует рассмотреть и подготовиться. Для начала он собирался поговорить, и на кончиках его пальцев, вопреки обычному, не замерли способные сразить наповал за пару секунд заклинания. Пусть удостоверятся в его миролюбии и стремлении договориться, найти устраивающий всех компромисс. В конце концов, Кватрон не из личной прихоти ищет треклятую сферу, и он надеялся, что сумеет объяснить всё так, чтобы живущие здесь прониклись. Может быть, у него наконец-то появятся союзники, которых он так долго и мучительно искал. Кватрон не желал соглашаться с предсказанием, сделанном ему однажды бродячей гадалкой – что он навеки обречён на одиночество и непринятие, и его путь никто не разделит, а его алчущее признания и помощи сердце ранят столько раз, что оно разобьётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.